

Содержание

Предисловие 3



Часть 1. Жила-была девочка

Маленькое начало большой жизни..... 7
Белая гора, жёлтая гармошка и розовый человечек..... 9
Раскладушка, крокодил Гена и Олимпийский мишка..... 12
Райсобес, керогаз и электричка..... 16
Домик над рекою, в окнах огонёк... .. 20
Дед Мороз, красный нос, табуреточку принёс... .. 27
Магия родного дома и настоящая дружба..... 33
Мы переезжаем 46
Жизнь в общежитии и ночи без взрослых..... 53
Ветрянка, бабушка Ленин и Джоконда над креслом 59
Игра в больницу..... 62

Часть 2. «Не крутите пёстрый глобус...»



Мне теперь не до игрушек..... 69
В первый погожий сентябрьский денёк..... 73
В школьное окно смотрят облака..... 76
Мы — весёлые ребята. Мы — ребята октябрю 81
Дневник наблюдений и здоровый образ жизни 83
Откуда берутся дети? 86

Летний город и уютные вечера.....	88
Братья, сёстры и детские обиды	93
Апельсиновые жУвачки и дядька с магнитофоном	100
Крутые перемены	101
Новенькая	105
«Плотовцы» и другие неясные моменты	114



Часть 3. Я выросла?

«Взвейтесь кострами синие ночи...»	119
Гостя из будущего.....	124
Юрка-дурачок.....	126
Репортёр Шрайбикус и откуда всё-таки берутся дети?.....	129
По секрету всему свету.....	130
Предательство	134
Шьём фартук	135
И снова про это... ..	137
Умная или красивая?	138
Морковка на стуле	140
Конец света и контакты с пришельцами	143
Вкладыши	148
А может, это любовь?	150

Часть 4. «Любовь... она бывает разной»



Анкета для друзей.....	163
Первая ревность, или Подруга моя, подруга.....	168
Жестокая жизнь и жалостливые песни	170
Три мужских туалета	173
Твои зелёные лосины... ..	175

Осенний бал и тайна О. Б.	181
Эта музыка, музыка, музыка.....	191
Ссора	194
Дела семейные и первый поход в клуб.....	200
Весна, весна... ..	219
Гитара и гитаристы	223
Я так не хочу!	228
Большая пустая плотавская школа.....	232
Этика и психология семейной жизни	235
Так бывает.....	239

Часть 5. Мальчики



Как много мальчиков хороших... ..	243
Мы объявляем вам войну	246
Белое братство	260
Видно, нет любви... ..	265
Разочарование	268
Надежда — мой компас земной... ..	270
Невыносимо... ..	270
Обливание.....	274
«Чандрики»	275
Любовь нечаянно нагрянет... ..	277
Конец двадцатого века.....	278

*Памяти моих дорогих бабушки
и дедушки посвящена эта книга*

Предисловие

**Если скажут слово «родина»,
Сразу в памяти встаёт
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот...**

А что встаёт у вас в памяти, когда вы читаете эти строчки? У меня — букварь. Тот самый — синенький с буквой «А», которую бережно обнимают девочка и мальчик в школьной форме. У кого из нас он сохранился? А ведь нам всем его дарили первого сентября... На память.

Ах, память, память... Стоит услышать по радио неожиданно вновь ставшие популярными строчки про «Комарово» или, забирая дочку из садика, вдохнуть чудом уцелевший запах «столовки», и вот уже перед глазами, словно кадры из фильма, побежали картинки. Эта плёнка не очень старая и даже уже цветная. Но всё же заброшенная: кое-где потёртая временем, местами на ней не разобрать лиц. А ещё она порвана на части, да и части эти с вырезанными и затерявшимися кусочками. Но всё-таки она хранится у всех нас в сердце. У нас — незаметно и совсем недавно повзрослевших девчонок и мальчишек.

Я обращаюсь к поколению 80-х. К поколению, которое носило варежки и шапки на резинке. К поколению, которое брало в школьной библиотеке книжку «Ленин и дети» для урока внеклассного чтения и давало «честное октябрятское», держась за звёздочку на груди. К поколению, «перепрыгнувшему» четвёртый класс. К тем, у которых в левом уголке зеркала, крепившегося на открывающуюся дверцу шкафа, была наклеена «переводнушка» — девочка с мячиком или собачка в зелёной траве.

К тем, чьи родители часто повторяли непонятное слово «перестройка». К тем, кто помнит передачу «Будильник», кто крутил «пятнашки» на резиночке, запутанной вокруг ног одноклассниц. К тем, кто мечтал поехать на программу «Звёздный

час» и писал письма в журнал «Мурзилка». К поколению, которое собирало наклейки из жвачек с Барби и клеивало их в жёлтую книжечку с вождённой куклой на обложке, мечтая получить за это настоящую американскую красавицу (до мечты, как правило, не доставало два-три вкладыша). К тем, кого бабушки заставляли пить заряженную Чумаком воду.

Кто хоть раз видел в небе что-то похожее на НЛО и лепил на потные ладони монетки с радостным воплем: «Держитесь!», кто вызывал дух чёрного короля в тёмном туалете. Кто уютно клеил на свою футболку выпрошенные у друга обёртки от первых «Сникерсов» и вафель «Кукуруку». К тем, кто ждал воскресенья, чтобы целый час — с пяти до шести — наслаждаться приключениями Чипа, Дейла и утят. Кто на переменках пересказывал друг другу серии «Богатых...». И, забросив модные чёрные дипломаты, носил учебники в пакете с изображением Иден Кепвелл и Круза Кастильо. Поколению, которое, обливаясь слезами, переписывало в песенник «Ковыляй потихонечку». Которое, подставив магнитофон к радио и приложив палец к губам, через микрофон записывало песню «Ох, Лёх, Лёха, мне без тебя так плохо». Ко всем, кто клал под подушку фото мальчиков из группы «На-На». А позже в анкете одноклассницы на вопрос «Твой любимый певец?» отвечал: «Андрей Губин». Чью школьную форму, заменили юбки-плиссировки и джинсы «мальвины» с вышивкой на заднем кармане. Кто знает не понаслышке, что такое капор и куртка «Аляска». К тем, кто хоть раз зашивал дырки на чёрных в горошек тапочках и мокалинах с зонтиками, с завидной периодичностью появлявшихся на месте больших пальцев.

Я обращаюсь к вам, девчонки и мальчишки, получившие паспорт в девяностых. Я знаю — нас очень много. Давайте вместе посмотрим картинки нашего с вами общего детства. Только не на диске, не в интернете. Всё-таки это относительно старая плёнка. В то время была другая культура и техника: пластинки, кассеты, диафильмы и, конечно, книги. Книга, которую вы держите в руках, послужит вам той машиной времени, в которую все мы когда-то верили.

Если вы узнаете себя на этих страницах... А, в общем-то, по-другому и не может быть.

ЧАСТЬ 1

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА



«...и вообще,
я считаю, что дети
от взрослых только тем
и отличаются,
что знают меньше слов.
А способность думать
даётся человеку
с самого рождения».





Маленькое начало большой жизни

Я сижу в синей коляске, пристёгнутая потёртым ремешком с нанизанными на него погремушками. Вообще-то синяя коляска для мальчиков, а я — девочка. Меня зовут Вита. Но дедушка купил мне мальчиковую коляску, потому что красных в магазине не было. А для маленького ребёнка — какая разница, где сидеть? Есть коляска и есть.

Рядом с колясочным колесом ходит огромная жирная курица-бройлер и норовит клюнуть меня в жёлтый сандалик. Мне кажется, что сандалики на мне коричневые, но бабушка называет их жёлтыми. А бабушка взрослая, ей надо верить.



Я машу ножкой, от этого колготки на коленке морщатся, а курица недовольно урчит себе под нос. Сзади хлопает дверь — это из хаты вышел дедушка. Я хочу посмотреть на его доброе лицо и густые серые брови. Почему-то мне приятно смотреть на дедушку, в такие минуты я чувствую себя спокойно и защищённо. Мне очень неудобно поворачиваться, начинают

КОНФЕТА-КАРАНДАШ.

Во времена советского детства отведать её доводилось только из рук бабушек и дедушек, поскольку производились они, видимо, какими-то артелями и родители их на базаре покупать отказывались наотрез...

звенеть погремушки, а коляска норовит опрокинуться; мама кидается поправлять на мне шапочку с пахнущими молоком извилистыми тесёмками. Дедушкино лицо возникает впереди, а его большая шершавая рука подаёт мне длинную конфету-карандаш в полосато-красной обёртке. Но тут уже мамина рука, появляясь откуда-то сзади, отби-





рает у меня конфету, а мамин голос говорит что-то про зубы и сладости. Я чувствую вкус собственных слёз и слышу свой крик. Кажется, я плачу. Да, я плачу. Мне обидно. Я даже не успела пожевать шелестящий кончик обертки. Почему взрослые всегда ведут себя так странно? Всё, я хочу спать! Я всегда засыпаю после того, как поплачу...

Белая гора, жёлтая гармошка и розовый человечек

Район города, где живём мы с мамой, называется очень красиво — Белая гора. Заходя в большой жёлтый автобус, я громко говорю водителю: «Нам до Белой горы» и с гордостью смотрю по сторонам. Я делаю так каждый вечер. Люди начинают улыбаться. Я хочу пройти на своё любимое место — на круг. Он находится прямо на полу в самом центре автобуса и всё время легонько вращается под ногами, а на поворотах надо обязательно держаться за белую ручку или за большое колесо, которое стоит тут же — на круге. Иначе можно упасть.



Мама не любит, когда я еду на круге (она называет его гармошка) и когда объявляю всем, что мы живём на Белой горе. Я чувствую это по тому, как торопливо она тянет меня за руку по салону. Я выглядываю из-за её спины, надеясь, что свободных мест не окажется и тогда маме всё же придётся ехать на гармошке, потому что там всегда меньше людей, а она от них очень устала за день. Это она сама всегда так говорит, а ещё она часто повторяет задумчиво: «Мне кажется, что мне триста лет». Я не понимаю, почему ей так кажется. Ведь человеку не может быть столько. Ему может быть шестьдесят, как дедушке, или тридцать, как дяде Васе, а может быть три, как моей

двоюродной сестре Нинке — дяди Васиной дочке. А ещё человеку может быть пять лет, именно столько мне исполнится в октябре или в ноябре, точно не помню. В общем, это будет следующей осенью, а сейчас, видимо, зима, потому что все пассажиры в шапках, а кое-где на дорогах я сегодня видела грязный снег. Здесь, в городе, снег почти всегда грязный. Вот в деревне я всегда могу определить время года. Зимой там белый пушистый снег, который шапками лежит на крышах и на скамейке, осенью вместо снега везде жёлтые яркие листья, а летом вокруг всё зелёное-презелёное, бабушка каждый день лепит вареники с ягодами, а на пасеке жужжат пчёлы.

В деревне у меня есть кошка, кролики и качели. Качели сделал дедушка, которому шестьдесят лет, и бабушке тоже столько же, потому что они родились в один год. Я это много раз слышала — они всегда со мной разговаривают обо всём и всё, что я прошу, повторяют много раз.

А мама почти всё время молчит, а «повторять всё по сто раз» тем более не любит. Сколько на самом деле лет маме, я не знаю, она никогда не говорила про это. Мне даже кажется, что она сама забыла. Помнит только, что она «младшая сестра дяди Васи». Значит, когда-то ей тоже будет тридцать лет. Наверное, это почти триста, потому что очень похоже звучит.

Дядя Вася мне дядя, а Нинке — папа. Когда я бываю в деревне, он приезжает из города вместе с моей мамой на выходные. Нинку с собой берёт очень редко, потому что она ещё маленькая и плохо переносит транспорт. Я уже большая и транспорт переношу хорошо. Мы с дядей Васей играем в паровозик и подъёмный кран — он катает меня на плечах и качает на ноге. А ещё он привозит мне шоколадки в зелёной обёртке. На ней нарисован старик в лаптях и золо-

